Война для двоих

Автор:
Сергей Самаров

Война для двоих

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Сирийские спецслужбы внедрили в ряды боевиков специалиста по системам ПВО. Под видом обучения моджахедов зенитно-ракетным комплексам он сумел собрать ценную информацию о вооружении экстремистов, их численности и дислокации. Но как передать данные своим? Бандиты надежно охраняют инструктора. Выручить агента поручено группе спецназа ГРУ капитана Алексея Радиолова. Когда-то Алексей и офицер-сириец были однокашниками по военному училищу. Но в силу обстоятельств не на шутку поссорились и стали врагами. И вот теперь один, рискуя жизнью, должен спасти другого…

Сергей Самаров

Война для двоих

Пролог

Песчаная пустыня, будь она расположена хоть в Африке, хоть в Средней Азии, хоть на Ближнем Востоке, всегда остается пустыней, где может себя уютно чувствовать разве что один верблюд с наполненными водой и пищей горбами или желтая плоскоголовая кобра. Днем там всегда невыносимо жарко, а по ночам основательно холодно. Но главное объединяющее качество – в пустыне

всегда ощущается недостаток питьевой воды, где бы сама пустыня ни находилась. А у человека нет горба, как у того же верблюда, где хранятся запасы воды на многие дни пути. И воду человеку приходится нести на себе. Как правило, люди знают, сколько дней им предстоит идти через пустыню, рассчитывают это загодя и или водой запасаются, или прокладывают путь от оазиса до оазиса, от колодца к колодцу с тем, чтобы вовремя запасы пополнять и от отсутствия питьевой воды не пропасть. Обезвоживание организма, несмотря на простецкое название, никому не обещает ничего хорошего.

Вечерело медленно и плавно, но тем не менее неуклонно. И так же неуклонно отступала жара. По пустыне устало передвигались восемь человек. Внешне они выглядели сильными и тренированными. Четверо из них были при оружии и в одинаковых камуфлированных костюмах песочного цвета с длинным рукавом. Еще двое были в таких же костюмах, только без бронежилетов и «разгрузок» и без оружия, а вместо обшитых камуфлированной тканью шлемов на головах у них были армейские кепочки того же песочного цвета. По измученному виду людей можно было понять, что идут они уже очень долго.

Четверка, те, что при оружии, явно были европейцами, о чем говорили светлая кожа, светлые волосы и серые глаза. Двое безоружных в камуфлированной воинской форме – скорее всего, сирийцы, то есть местные жители, на что указывали кудрявые темные волосы, смуглый цвет лица и такие же темные короткие бородки. Еще двое выглядели людьми гражданскими, но тоже похожими на сирийцев. Шестеро первых носили на плечах погоны. Только у двоих сирийцев они были другой формы и имели офицерские знаки различия. Один был капитаном, говоря по местному, накибом, и имел на каждом погоне по три крупные звездочки, а второй – майором-раидом, о чем говорила не звездочка, а единственный стилизованный знак с изображением какой-то птицы с развернутыми, но не полностью расправленными крыльями.

Ветер принес откуда-то издалека звук вертолетного двигателя. Все восемь пеших ходоков разом обернулись в ту сторону, откуда они только что шли. Песок за их спинами был плотным, слежалым, утоптанным частым в здешних местах ветром, перемешан со множественными мелкими камнями и комками сухой глины. Он не оставлял вереницу следов, как могло бы быть на более мягкой поверхности, и это утешало. По следу группу отыскать и высмотреть было невозможно. Но все помнили, что такой песок был не на протяжении всего пути. Сначала он был сыпучим, проваливающимся под ногами и под колесами американского армейского бронеавтомобиля HMMWV, на котором они

изначально и ехали и который вынуждены были бросить, потому что колеса увязли в песке, а потом почти целый день шли по галимому песку, и тот оставленный след мог указать основной вектор движения группы, что способно вызвать и преследование в конкретном направлении. Группа стремилась идти кратчайшим путем только в завершающей фазе своего маршрута, но не от оазиса к оазису, где их могла бы ждать засада преследователей, заброшенных вперед вертолетом или иным механизированным средством. А преследование должно быть, причем обязательно или по воздуху, или пешком. Скорее всего, будет задействован вертолет. Поискать и догнать с его помощью вполне возможно. Тем более что вертолет «Апач», стоящий на вооружении у всех практически базирующихся в Сирии подразделений международной, как она называется, коалиции, каким-то волшебным средством перешел на вооружение бандформирований. Он изначально создавался для уничтожения танков и пехоты противника, и ему не составит труда уничтожить небольшую группу людей, даже если эта группа рассеется. Разбежавшихся в разные стороны людей вертолет, зависнув в воздухе, в состоянии расстреливать из бортового крупнокалиберного пулемета. В военной терминологии это называется «уничтожением живой силы», и для военного вертолета это привычная задача.

– Нас ищут! От вертолета не уйти… – прошептал один из гражданских, который еле передвигал ноги. – Лучше просто сесть и ждать его с поднятыми руками. Что я вам и рекомендую.

– Приближается… – сказал кто-то из вооруженных людей, обращаясь к старшему по возрасту товарищу, который был старшим, видимо, не только по возрасту, но и по званию, поскольку сразу же отдал команду:

– Остановка. Маскируемся!

– Сначала воды дайте, – потребовал гражданский, – у меня язык от жажды распух так, что во рту не помещается.

– Потерпишь… – не слишком вежливо ответили ему. – Ни у кого нет воды…

Команда к устройству маскировки выполнялась молниеносно. Группа остановилась неподалеку от скопления больших камней, которые когда-то, несколько веков назад, были скалами, но века нещадно посекли их ветром и песком и разрушили на мелкие осколки. Только пять или шесть оснований скал

еще торчали из окружающего песка, как свидетели минувших эпох. Наверное, эти камни помнили еще гремящую металлом конницу крестоносцев и дальнобойных лучников султана Саладина[1 - Султан Саладин – полное имя Салах ад-Дин, правитель Египта и Сирии, по национальности курд, не только прославленный полководец, но и покровитель науки, ремесел и культуры. Считался просвещенным правителем и удачливым полководцем. Успешно вел войну против крестоносцев, отвоевав у них Иерусалим, но разрешил христианам молиться своим святыням, оставив в Иерусалиме только мусульманскую администрацию. При этом последнего командующего войском крестоносцев, английского короля Ричарда Львиное Сердце, называл своим личным другом. Многократно побеждал войско византийского императора Алексея Первого Комнина. Был лично знаком с дочерью императора, известной писательницей и хронистом своего времени Анной Комнин, о чем она неоднократно сообщала в своих трудах, выражая султану глубокое уважение. Основу войска Саладина составляли конные лучники, использующие длинные и дальнобойные скифские луки, стреляющие дальше и сильнее традиционных и знаменитых в Европе английских луков, которыми было вооружено войско Ричарда Львиное Сердце. (Здесь и далее прим. автора.)]. И совсем точно помнили современное войско исламистов и американскую армию, поскольку неподалеку от скопления камней виднелись останки развороченной взрывом землянки-блиндажа, вокруг которой можно было найти несколько воронок от разорвавшихся или артиллерийских снарядов, или авиационных бомб и ракет, уничтоживших землянку прямым попаданием, скорее всего, вместе с людьми. Видимо, использовалось высокоточное оружие или сыграл свою трагическую роль Его величество случай. Поскольку в этих местах ни силы сирийской армии, ни Военно-космические силы России операции раньше не проводили, было понятно, что уничтожение землянки – дело рук западной коалиции во главе с США.

Командир группы, который и дал команду маскироваться, сначала заглянул в останки разрушенной землянки, но, заглянув, сразу выбрался на чистый воздух со сморщенным лицом и с зажатым двумя пальцами носом и выдавил из себя:

– Снаружи устраиваемся…

– Что там, товарищ капитан? – спросил человек, первым заметивший приближение вертолета.

– Четыре тела… «Бородачи»… – ответил тот, кого назвали капитаном.

«Бородачами» повсеместно в Сирии звали бойцов ИГИЛ[2 - ИГИЛ (ДАИШ) – террористическая организация, запрещенная в России.] и других террористических организаций, хотя бороды носили здесь не только они. Вообще в Сирии безбородые взрослые мужчины вызывали несравненно большее удивление и непонимание, чем в той же России или в Европе бородатые женщины. Но это национальные и религиозные традиции. Безбородых мужчин можно было встретить в структурах власти или в армии и правоохранительных органах, но и там часто недельная щетина считалась признаком мужественности и носила в себе намек на якобы отращиваемую бороду.

Капитан тем временем, выполняя собственный же приказ, снял с плеч лямки ранца, к которому была приторочена плащ-палатка. Расстелил палатку и саперной лопаткой принялся окапывать ее, присыпая песком и придавливая не особо крупными камнями с двух перпендикулярных сторон. Точно такую же работу начали выполнять и трое других вооруженных людей. Один устраивался рядом с капитаном, двое других – в стороне, в пяти шагах. Двое невооруженных, понимая происходящее, просто ждали, время от времени поглядывая за спину, откуда доносился тяжелый рокочущий звук вертолетного двигателя. Не лезли ни с вопросами, ни с советами, но оба соображали, что просто так их не бросят и не загонят в разваленную землянку травиться трупным запахом. Хотя, может быть, просто первые четверо русских военных больше привыкли доверять своим отработанным навыкам маскировки и только потому не просили помощи, хотя сирийцы, хорошо знающие местные условия, владели и более широкой местной информацией. Двое гражданских просто сели на камни и ждали. Тот, кто давал совет дождаться прилета вертолета с поднятыми руками, выглядел довольным, несмотря на усталость. Его спутник сидел с низко опущенной головой и громко дышал после быстрой ходьбы по песку, стремясь вернуть себе нормальное колыхание грудной клетки.

Когда полностью развернули плащ-палатки, под одной парой палаток спрятались двое вооруженных и двое безоружных сирийских военных, остальные четверо укрылись под второй парой. И очень вовремя, так как шум винтов вертолета был уже различим очень хорошо. Капитан осторожно приподнял край плащ-палатки и сообщил:

– «Апач» летит. АН-64…

– Америкосов в помощь вызвали… – сделал вывод майор сирийской армии.

– Америкосы своего ищут… Они своих не бросают… Им проще нашего гостя расстрелять, чем позволить ему до ваших сил безопасности добраться. Или вернуть, или расстрелять – одно из двух в зависимости от возможностей…

– Но это могут быть и вертолеты бандитов. У них в наличии шесть штук таких, вместе с пилотами. Америкосы им выделили.

Вообще-то вертолет «Апач» считается хорошей и мощной, достаточно эффективной в боевых действиях машиной. Но все знали главный недостаток этого вертолета – практически отсутствие надежной бронированной защиты места пилота, хотя официально считается, что кабина должна выдерживать пулю крупнокалиберного пулемета. Было много шума, когда во время бомбардировок Югославии такой вертолет сумел сбить простой сербский крестьянин, в сердцах выстреливший из охотничьего ружья и поразивший, как потом оказалось, пилота простой охотничьей картечью. Наверное, лавры того сербского крестьянина не давали покоя одному из вооруженных людей. Трое, кстати, были вооружены автоматами «АК-12» с глушителями и тепловизионными оптическими прицелами, а один, кроме собственного пистолета-пулемета «ПП-2000», нес на плече тяжелую и длинную крупнокалиберную дальнобойную снайперскую винтовку «Корд», внешним видом и массивным дульным тормозом больше напоминающую противотанковое ружье периода Второй мировой войны, чем современную снайперскую винтовку, хотя массивный оптический прицел давал винтовке собственную и достаточно точную характеристику. Еще такие винтовки часто называют антиматериальными, потому что они в состоянии с дистанции более полутора километров пробивать легкобронированные цели – боевые машины пехоты и бронетранспортеры, бронеавтомобили, повреждать радиолокационные станции, уничтожать топливозаправщики на аэродромах и авиационную технику. А от пули калибра «двенадцать и семь десятых миллиметра на сто восемь миллиметров» бойца противника на полуторакилометровой дистанции не мог спасти ни один бронежилет. Часто бывали случаи, когда пуля, попав в корпус с расстояния в километр, разрывала человека как минимум на две части. Но с полутора километров, и даже с километра, еще нужно было попасть в цель, даже при наличии мощного оптического прицела со всеми вспомогательными атрибутами, как то: миниатюрная метеостанция, или баллистический калькулятор, или лазерный дальномер. Но на то и существовали снайперы, чтобы уметь точно стрелять даже с такой дальней дистанции, используя всю вспомогательную аппаратуру. Именно такой снайпер и был в группе, именно он бережно нес на плече свою не самую легкую винтовку. И он обратился к капитану:

– Командир, а я ведь могу его сбить. Летит он прямо на нас. Низко летит, пустыню «бреет». Наклонился, как хищник перед атакой. Что-то ему в нашей маскировке не понравилось, может, просто для проверки дать очередь из автоматической пушки или из пулемета. Нам этого хватит. Надо опередить. Фонарь кабины его не спасет… Разреши…

Снайпер устроился под той же сдвоенной плащ-палаткой, что и командир группы. Третьим с ними был сирийский майор, четвертым – сирийский капитан.

– Работай! – разрешил командир и недобро улыбнулся, понимая, что сейчас предстоит увидеть.

Подготовка к выстрелу заняла три-четыре секунды. Прицеливание длилось не дольше. Сам звук выстрела прозвучал так, словно стреляли из безоткатного артиллерийского орудия небольшого калибра. Капитан, высунувшись из-под полога, рассматривал приближающийся вертолет в бинокль. И хорошо видел, как пуля оставила окруженную трещинами дыру в фонаре кабины, справа по направлению полета, где сидит пилот. Оператор бортового вооружения или не успел, или не сумел взять управление вертолетом на себя, и «Апач», резко задрав до этого опущенный нос, упал, ломая длинный хвост. И почти сразу же послышался взрыв.

– Глянуть надо, – гибкой змеей выскользнув из-под плащ-палатки и поднявшись в полный рост, сказал сирийский майор.

– Осторожно, Гиваргис. Там ракеты взорвались. Может, не все сразу, – предположил российский капитан, опуская бинокль. – Но посмотреть и проверить надо. Хотя едва ли кто-то живой после такого взрыва остался.

– Леха! Дай автомат, – потребовал майор.

Капитан молча протянул ему свой автомат. Вооружившись, тот бегом побежал к песчаному гребню. А капитан, наблюдая за ним в бинокль, видел, как он, добравшись до гребня, залег и стал рассматривать место, над которым вился дым, в оптический прицел автомата. Но не стрелял. Видимо, стрелять уже было не в кого. Противотанковые ракеты «Апача» при взрыве разнесли машину на куски, и дымящиеся обломки, слегка планируя, еще продолжали падать с разных сторон, впрочем, не долетая до группы. И даже колесо, свалившись с

неба на песчаный гребень, стало неестественно медленно скатываться.

Возвращался майор более бодро, чем бежал к упавшему вертолету, и в бинокль было видно, как сияет радостью его лицо. Радость эта была понятна. Вся сирийская армия ждет не дождется, когда начнут бить друг друга две сильнейшие армии мира – российская и американская. Но и российское, и американское командование прекрасно понимают, что если между ними начнутся боевые действия, они в результате перерастут в Третью мировую войну. И любая сторона на пуск простой ракеты, просто по незнанию, может ответить ядерным ударом. И тогда планета просто прекратит свое существование. Но недовольство сирийцев действиями американцев на их родине, среди их родных песчаных дюн, было настолько велико, что многие готовы были пойти даже на это.

Однако майор сирийской армии, вполне возможно, радовался другому – просто радовался свободе, по которой уже успел соскучиться.

Российский капитан выбрался из-под плащ-палаток и, встав по центру между двух укрытий, по-деловому осмотрелся.

– В темпе собираемся и как можно быстрее уходим отсюда подальше. Скоро начнутся поиски пропавшего вертолета и экипажа. Могут на нас натолкнуться. Уходим…

– Ночь нам садится на затылок, – расхожим сирийским выражением, переведя его на русский язык, отозвался сирийский капитан. – Мы целый день и часть прошлой ночи шли. Ноги уже не передвигаются. Да и кто будет ночью этот вертолет искать? Лучше отдохнуть, сил набраться к завтрашнему дню.

– В том-то и дело, что искать будут. У америкосов это дело хорошо поставлено и отработано. Обязательно скоро прилетят. Искать начнут с момента, когда «Апач» в последний раз мелькнул на радаре…

– Он для радара слишком низко летел. Его могли уже давно не видеть, – вмешался в разговор еще один боец российской группы.

– Значит, могут уже начать искать с момента получения последнего радиосигнала. А мы будем идти всю эту ночь в дополнение к тому, что уже

прошли. Если, конечно, их раньше не встретят.

– Да еще и без воды… Знал бы, не пошел бы с вами… – сердито махнул рукой сириец.

– Если не хочешь, – ответил ему российский капитан, – можешь назад отправляться. Там тебя ждет автоматная очередь на первом же бандитском посту. Она тебя давно уже ждала, кстати… Потому мы за тобой и пришли. Тебе выбирать, сам решай, с кем тебе оставаться.

Сирийский майор сильно ткнул глушителем в спину соотечественнику:

– Если хочешь возвратиться, возвращайся, попробуй, только я сам тебя до этого пристрелю… Ты знаешь, куда мы идем. И из тебя эти данные выбьют вместе с зубами. А потом пристрелят. Нам осложнения нашего положения не нужны. Вертолет до нас за пятнадцать минут долетит. Так что думай, куда ты идешь – вперед, с нами, или же назад, к своей смерти…

Сирийский капитан выпрямился, всем своим видом показывая, что готов вскачь бежать дальше.

Двоих гражданских, несмотря на их усталый вид, вытолкнули из-под соседних плащ-палаток автоматными стволами. И этими же стволами показали направление, в котором следовало двигаться…

Глава первая

Командира второй боевой группы ЧВК «Волкодав» капитана Радиолова прямо с общих занятий для двух групп по минному делу вызвали в кабинет к полковнику Селиверстову, командиру всего ЧВК. Оставив своих подчиненных в минном классе под присмотром инструктора-преподавателя и командира первой боевой группы старшего лейтенанта Лесничего, капитан сразу отправился в административный корпус, левое крыло которого занимала так называемая рота охраны, хотя по численному составу рота едва-едва насчитывала два с небольшим взвода, а в правом крыле на втором этаже, рядом с узлом связи,

располагался просторный кабинет полковника Селиверстова. С недавних пор – полковника в отставке, как и все официально бойцы ЧВК «Волкодав», хотя бойцы и не знали, насколько отставка их командира реальна, поскольку сами они, помимо заработка в ЧВК, получали еще и жалованье офицеров спецназа военной разведки. Но если между собой бойцы могли обмениваться мнением и чем-то делиться, то с командиром такие разговоры считались недопустимыми.

Старший лейтенант Лесничий обогнал Радиолова, когда тот разговаривал с дежурным по штабу, через которого и был вызван.

– Тоже вызвали. Полковник сам позвонил, – сообщил командир первой группы, устремляясь вверх по лестнице.

Хотя ЧВК официально и относилась к охранной структуре, как того требовало законодательство, она все же являлась неофициальным подразделением Главного управления Генерального штаба, как с недавних пор стало называться ГРУ. Но в кулуарах, да и вообще в армии, старое название так прочно укрепилось в умах, что новое почти не применялось нигде, кроме, разве что официальных документов.

Подойдя к кабинету полковника, Радиолов услышал разговор, но разобрать было, естественно, невозможно, так как дверь была обита плотным звукоизолирующим материалом.

Капитан постучал и, услышав громкое разрешение Селиверстова, вошел в кабинет. Взгляд сразу выцепил присутствующих – заместителя командира ЧВК полковника Самохвалова, только что подошедшего командира первой боевой группы ЧВК старшего лейтенанта Лесничего и знакомого только внешне гражданского человека в возрасте, с холодным, непроницаемым взглядом Будды и бесстрастным лицом, лишенным каких-либо эмоций. Рядом с креслом самого полковника Селиверстова лежали его три ирландских волкодава, с которыми капитан Радиолов был уже достаточно хорошо знаком, и потому на его приход собаки отреагировали достаточно вяло, только проводили его глазами до середины комнаты, откуда Радиолов, как и полагается, начал докладывать:

– Товарищ полковник, капитан Радиолов по вашему приказанию прибыл.

Селиверстов махнул рукой, показывая на стул, и строгим голосом произнес:

– Присаживайся, Алексей Терентьевич.

Капитан сел на стул, держа спину прямо, как и полагается сидеть перед старшими офицерами. Младше его по званию здесь был только старший лейтенант Лесничий. Но и присутствия двух полковников уже хватало. А человек в цивильной одежде по возрасту мог подходить только под старшие офицеры или даже генералы. Так и оказалось.

– Ну, ты, товарищ капитан, – продолжил Селиверстов, – здесь знаешь практически всех, кроме одного человека. Познакомься. Генерал Трофимов из Службы внешней разведки, он часто с нами сотрудничает, и ты его, скорее всего, уже видел. Можно его иногда называть не «товарищем генералом», а просто Виктором Ивановичем. Он не обидится, особенно если это произойдет в присутствии посторонних. Генерал тебе сейчас и расскажет, с чего ты со своей группой начнешь свою боевую службу в ЧВК.

– Тебе, капитан, не доводилось похищать людей? – начал Виктор Иванович с достаточно отвлеченной, как показалось, темы.

– Никак нет, товарищ генерал. Не занимался такими делами. Но, если требуется, группа готова к выполнению.

– А пленников выручать?

– Это было. И даже трижды. Дважды гражданских заложников, а один раз троих солдат внутренних войск у бандитов отбивали. Это было еще до того, как внутренние войска в Росгвардию передали.

– Северный Кавказ, я полагаю?

– Так точно, товарищ генерал, Северный Кавказ. Бандиты тогда под ментов работали, в ментовской форме, и с настоящими ментами тесную связь поддерживали, что вызывало дополнительные трудности. Нас бандитам просто «сдавали», но мы сумели отработать втихую, без огласки, не ставя местных ментов в курс дела. Это и помогло….

– Очень хорошо. Это серьезный опыт. А банды что собой представляли? Все три раза – разные?

– В первый раз была местная банда, наполовину криминалитет. Женщину, главу сельсовета, похитили. Потом два раза были банды, вернувшиеся с Ближнего Востока. В том числе и та, что под ментов работала.

– Конкретнее – откуда с Ближнего Востока?

– Одна банда из Афганистана. За талибов с американосами воевали. Вроде бы благое дело делали, тем не менее они и среди мирных жителей особой жестокостью отметились. Вторая – ментовская, из Сирии вернулась в боевом составе.

– И как они? Я про тех, что из Сирии…

– Воевать умеют. Опытные. Неуступчивые. Сильно озлоблены. Я так понимаю, они мечтали домой героями вернуться, а их здесь, мягко говоря, холодновато приняли. На руках не носили и венков спасителей на них не вешали.

– А ты сам, Алексей Терентьевич, вообще как к событиям в Сирии относишься?

– Считаю, что наше вмешательство в тамошние дела должно быть в силовом плане более ярко выражено, товарищ генерал. Следует туда вводить спецназ. Тогда с террористами гораздо быстрее будет покончено. И работать при этом более выборочно. Именно там начинать выборочно работать – против выходцев с территории России и стран СНГ, потому что те же таджики, киргизы, казахи и узбеки, что оттуда возвращаются, не в своих республиках остаются, а в Россию едут, в наши города. Чем активнее мы будем действовать, чем больше их там уничтожим, тем спокойнее у нас внутри страны будет. Но это мое личное, товарищ генерал, мнение.

Генерал прокашлялся в кулак. Но не потому, что у него першило в горле, просто он готовился к большому монологу.

– Хорошее мнение, и я его по большому счету поддерживаю. Хотя в выполнении вижу много сложностей. Например, как определить, где воюют наши настоящие

или бывшие соотечественники? Предвижу возражение… – Трофимов выставил перед собой раскрытую ладонь с короткими толстыми пальцами. – А для чего у нас существует разведка? Да, разведка существует и работает. Даже в тех сложных условиях, где успех дела определяется и национальностью, и вероисповеданием, что особенно бывает сложным. Здесь требуется проводить предварительно большие разведывательные мероприятия. Не скрою, они проводятся, но данные чаще всего поставляются в военно-космические силы. ВКС справляется с задачей уничтожения бандформирований лучше любого спецназа. Это уже проверено опытом. По крайней мере, работает почти без потерь, а любой спецназ вести открытые боестолкновения, да еще на чужой территории, вообще без потерь, я думаю, не сможет, хотя и стремится к этому за счет технологического преимущества. У себя в стране это получается лучше. А там могут возникнуть сложности, связанные с незнанием менталитета сирийцев. При этом, по данным тех же наших разведывательных мероприятий, потери вскоре могут быть и у военно-космических сил. Дело в том, что отрядам террористов еще несколько лет назад удалось захватить ограниченное количество комплектов зенитно-ракетных комплексов «Оса»[3 - Реальные события, как и события с похищением офицеров ПВО Сирии для обучения операторов ЗРК. Все это происходило в 2017 году.]. Но без ракет, к счастью. И эти комплексы долго пылились на складах террористических формирований без дела. За ракетами была объявлена большая охота. Части сирийской противовоздушной обороны благодаря усилиям своей разведки знали это, и с нашей, кстати, подачи тоже, и потому была существенно усилена охрана. Более того, силы спецназа Сирии организовали даже несколько ловушек для бандитов, используя данную информацию. Настоящие ракеты вывозили, вместо них на склады завозили макеты, пустые оружейные ящики и ставили засады. Таким только образом за четыре месяца было уничтожено больше сотни террористов. Однако со временем ситуация изменилась. Террористические формирования получили откуда-то специалистов – по большей части американцев, англичан и французов, которые смогли усовершенствовать захваченные комплексы «Оса»-«АК» и «Оса»-«АКМ» под стандарт ракет стран НАТО, говоря конкретнее, под американские устаревшие ракеты, уже снятые с вооружения армии США, которые террористам, неизвестно какими путями и кем конкретно, поставлены в необходимом количестве. У нас есть догадки о поставщиках, но нет конкретных фактов. Потому и глотаем сквозь слезы эту информацию. Короче, спецы стали подгонять нашу «Осу» под чужие ракеты, а ракеты под ЗРК. Там же присутствовали и другие усовершенствования. Стандартную станцию обнаружения целей и станцию сопровождения целей оставили без изменения, поскольку они более надежны и просты в обслуживании, чем на натовских ЗРК, но заменили счетно-решающий прибор на более современный и так же

отвечающий стандарту НАТО. Ну, и еще кое что усовершенствовали…

– А союзнички наши, товарищ генерал, не боятся, что это будет против них применено? – заметил старший лейтенант Лесничий. – Бандитам все равно, в кого стрелять.

– Видимо, не боятся, – сердито ответил генерал. Он, похоже, не любил, когда его перебивают, и потому молчал больше минуты, собираясь с мыслями и вспоминая, что еще должен сообщить. – Я думаю, между ними существует какая-то определенная договоренность или задействованы некие иные схемы, вплоть до технических решений. Например, устанавливается система опознавания «свой – чужой» или что-то подобное. Однако в любом случае пока еще у террористов даже при наличии усовершенствованной зенитно-ракетной установки нет в необходимом количестве специалистов-операторов, способных работать на уровне профессиональных зенитчиков. Тем не менее некоторые из их главарей уже хвастливо заявляли, что больше ни один российский вертолет или самолет-штурмовик не сможет безнаказанно бомбить их позиции. Один зенитно-ракетный комплекс они выставили в прикрытие своей попытки контрнаступления, но он был довольно быстро уничтожен высокоточной ракетой «Точка-У», которую «Оса» пыталась сбить, но не смогла. Тогда, кстати, был убит британский офицер. Он, видимо, обучал террористов и командовал личным составом ЗРК. Но сбить «Точку-У» и сбить вертолет – это разные задачи. Первая попытка, таким образом, сорвалась. Однако у террористических бандформирований в запасе еще больше двух дюжин комплексов, и они представляют для наших военно-космических сил, особенно для вертолетов-штурмовиков, реальную угрозу.

– Извините, товарищ генерал… – вмешался в разговор капитан Радиолов, – а кто же у них стрелять будет? Или посадят туда британских и французских зенитчиков? Специалисты, думаю, смогут разобраться с нашей старой техникой. Но это же скандал международного уровня!

– Это едва ли, едва ли посадят… – Теперь генерал не проявил недовольства, поскольку вопрос полностью вписывался в его дальнейшее повествование. – Инструкторов террористам остро не хватало. И тогда они объявили новую охоту. Теперь уже на специалистов ПВО Сирии. Просто похищали офицеров. Вплоть до того, что похищали их прямо из дома. Обещали хорошо заплатить и вообще облагодетельствовать, но когда несколько человек провели обучение и подошло время оплаты, их попросту расстреляли. Тем не менее этот процесс

продолжается и по сей день. Все же как думают: если где-то там кого-то и расстреляли, то со мной-то уж точно такого не случится. Тем не менее случается со всеми. И уже много раз случалось. Но сирийцам пришлось выставить к своим офицерам ПВО дополнительную охрану, и похищать специалистов стали реже, хотя время от времени это все же происходит. Так говорят в сирийских силах безопасности. По нашим же данным, реже похищать стали потому, что используют уже похищенных более широко, создавая целый курс обучающихся. Схему обучения изменили. Не сразу расстреливают. Сначала платят, но отправить деньги семье не дают, а после того как расстреливают, деньги возвращают себе.

– А что же, товарищ генерал, сирийские силовики ничего не могут против них предпринять? – спросил старший лейтенант Лесничий, заинтригованный ситуацией.

– Могут. И предпринимают… Это как раз тот вопрос, который заставил меня обратиться в ЧВК «Волкодав» для разрешения сложной ситуации, в которую попал офицер сирийских сил безопасности, некий майор Гиваргис аль-Хабиби, хорошо знакомый кое-кому из присутствующих. В течение нескольких месяцев майор проходил усиленную стажировку в расчетах ПВО Сирии, где досконально изучал возможности ЗРК «Оса»-«АКМ», а потом по каким-то сирийским каналам был сильно разрекламирован как лучший в сирийской армии специалист по этим ЗРК. Причем реклама велась скрытая и целенаправленная, то есть так, чтобы она попала в уши террористов. Короче говоря, была проведена классическая операция ввода. Майора похитили. Его несколько раз перебрасывали по разным точкам, где обучаются операторы террористов, так что майор Гиваргис аль-Хабиби стал ценным носителем информации о наличии точек ПВО, которые подлежат уничтожению высокоточными ракетами. Причем сами бандиты прекрасно понимают это и потому тщательно следят за майором, опасаясь его побега или похищения сирийскими правительственными силами.

Генерал встал и постарался выпрямиться, придавая себе строевую осанку, но это у него не слишком хорошо получилось. Сказывалась привычка носить гражданскую одежду, а она не особо располагает к строевой осанке. Но когда Трофимов снова заговорил, слова его звучали по-армейскому четко и конкретно:

– Наш выбор пал на капитана Радиолова по той простой причине, что он хорошо знаком со своим однокашником по училищу майором сирийской армии Гиваргисом аль-Хабиби. Более того, мы знаем, что они какое-то время были даже

хорошими друзьями, что, как нам думается, в состоянии облегчить капитану Радиолову выполнение задачи по освобождению майора аль-Хабиби и доставке его сирийским правительственным силам. Это вопрос достаточно тонкий, поскольку определенные лица высказывают подозрения, что майор аль-Хабиби не желает возвращаться из-за своей семьи, то есть его держат на сильном «крючке», угрожая определенными действиями против близких.

Капитан тоже встал. Он, как и его боевая группа, уже больше месяца проходил тренировочные занятия и постоянно ждал боевого задания командования ЧВК. Вот оно и пришло. Однако суровое и даже насупленное выражение лица капитана говорило о том, что задание это ему не совсем по нраву. Генерал со свойственной профессиональному разведчику проницательностью заметил это и спросил:

– Что-то не так, капитан?

– Извините, товарищ генерал… Вы, наверное, просто не в курсе, как мы расстались с Гиваргисом? По какой причине…

– Если бы мы все были не в курсе этого, нам, как разведчикам, была бы грош цена, и нас следовало бы выгнать из разведки за профнепригодность, – ответил за генерала Селиверстов. – И по этой же причине нас не смогли бы взять даже в военно-строительные формирования[4 - В Российской Федерации, в отличие от Советского Союза, не существует отдельного рода строительных войск, есть только военно-строительные формирования.], разве что на должности рядовых бойцов – но таскать носилки с бетоном мы уже по возрасту не годимся… Тем не менее несмотря на то, что аль-Хабиби когда-то увел у тебя, Алексей Терентьевич, жену, он же воспитывает, как свою родную, твою дочь. По нашим данным, весьма хорошо к ней относится и в настоящее время обеспечивает ее обучение в университете в Париже. Именно воздействием на дочь бандиты и пытаются удержать у себя аль-Хабиби. Но это пока только предположение. При этом мы понимаем, что это твоя дочь, хотя ты с ней уже девятнадцать лет не виделся. И Служба внешней разведки включилась в ее подстраховку.

– Она во Франции? – с удивлением переспросил Радиолов, для которого это было, судя по всему, новостью.

– Да. Во Франции. Ты разве не знал этого?

– Никак нет, товарищ полковник. Не знал. Я же с ней не общаюсь. Судя по всему, она Гиваргиса считает своим отцом. И насколько мне известно, у нее сирийское гражданство.

– Так вот… Что она считает, это не важно. Важно то, что есть в реальности. Хотя бы в благодарность за воспитание твоей дочери ты обязан майора аль-Хабиби оттуда вытащить. Кроме того, это приказ. А ты прекрасно знаешь, что приказ следует выполнять, несмотря на личные обстоятельства.

– Ну, не все так категорично и однозначно, – добавил генерал Трофимов вполне миролюбиво. – В крайнем случае, если вытащить майора не удастся или, скажем, он не пожелает сам возвращаться, а этот вариант, как я сказал, тоже рассматривается, потому что вызывает удивление тот факт, что бандиты его до сих пор не расстреляли, хотя расстреливали многих из тех, кого похищали специально для обучения операторов, ты, капитан, должен будешь его уничтожить. Этот вариант тоже обсуждался. У тебя же есть в группе снайпер с дальнобойной крупнокалиберной винтовкой?

– Так точно, товарищ генерал. С винтовкой «Корд». Снайпер отличный, винтовка – тоже…

– Ты согласен? – напористо спросил полковник Самохвалов, сидящий чуть в стороне.

– Так точно. На оба варианта согласен.

– Вот и отлично. Тем не менее доставление майора в сирийские войска предпочтительнее как раз из-за информации, которой он обладает. Дальше действуй по обстоятельствам. Нам было важно твое согласие.

– Извините, товарищ полковник. Мне только что сказали, что это приказ, а для выполнения приказа моим согласием никто не должен интересоваться.

– Значит, согласен, – отчего-то вздохнул генерал Трофимов, словно мешок с мокрым песком на плече нес и только что сбросил его на пол, чтобы дыхание перевести. – Вот присутствующий здесь старший лейтенант Лесничий расскажет тебе кое-что из сирийских условий. Что спросишь, то, думается, и расскажет. Он там уже побывал и сможет дать несколько дельных советов. А завтра с утра я

подъеду и введу тебя полностью в курс дела, причем с деталями: с кем из наших, с кем из сирийских ответственных лиц тебе придется контактировать. Вопросы по существу есть? Общие вопросы, естественно…

– Состав… Какими силами там действовать?

– Это уже тебе решать как командиру группы. Одно могу сказать твердо, больше, чем у тебя есть в подчинении, ты не получишь. А кого из своей группы решишь задействовать, твое дело. Я так думаю, что всю свою группу должен взять. А уже на месте решишь, кто будет непосредственно задействован в операции, кто будет страховать и прикрывать. На месте всегда виднее…

– На месте виднее, – согласился капитан, но вдохновения опять же не проявил, лицо по-прежнему оставалось смурным и скучным. Может, он просто вернулся мыслями в прошлое, а может, еще какие-то мысли посетили его голову. Этого со стороны никак не поймешь…

Из кабинета полковника Селиверстова Радиолов вышел вместе со старшим лейтенантом Лесничим. Разговаривать начали только на крыльце.

– Что тебя больше всего интересует? – спросил Лесничий.

– Все…

– Все ты сам на месте увидишь, тогда собственное впечатление и составишь. Мое личное впечатление – это мое личное. У тебя будет свое личное. Главное, нужно сразу научиться понимать местный жаргон. Так, в Афгане были «духи», в Чечне – «чехи», в Сирии бандитов зовут «бандерлогами» – это из Киплинга, племя обезьян, если помнишь. Иногда зовут «чертями». Наших, условно говоря, сирийцев, которые на нашей стороне воюют, поголовно зовут «садыками». С арабского слово переводится как «друг». Саму Сирию в нашей армии называют «Саратовом», но город на Волге здесь ни при чем. Авиабаза в Хмеймиме – «Химки», город Пальмира в жаргоне зовется «Пальмой», базу в порту Тартус кличут «Тортугой», Алеппо – «Лимпопо», и так далее и тому подобное. Это все сам быстро изучишь, по созвучию. Что тебе еще из общих впечатлений рассказать? Спрашивай, не стесняйся.

– Отношение сирийцев к русским. Именно к военным, которые там находятся…

– Если не слушать нашу глупую телевизионную пропаганду, то отношение разное. Одно дело, как относятся в тех городах и районах, что не были захвачены ни ИГИЛ, ни другими бандами. Там отношение ровное и даже благодарное. Недавно слышал, что в этих местах часто стали называть новорожденных девочек именем Россия. Кроме того, когда недавно упал в море наш истребитель, первыми к месту крушения подошли два рыбацких баркаса, и рыбаки пытались спасти летчиков, хотя нырять без акваланга на глубину в семнадцать метров – дело рискованное, не каждый сможет. Тем не менее они пытались с риском для собственной жизни. Простые рыбаки… Простые люди, жители прибрежных поселений, как и жители других районов, которые не были захвачены террористами, Асада поддерживают, следовательно, поддерживают и русских, что пришли Асаду на помощь. Несколько иное в освобожденных от террористов районах. Когда привозят гуманитарную помощь, сирийцы всех расцеловывать готовы. Но только помощь закончится, отношение очень настороженное. Тут следует учитывать, что часть мирного населения вообще не пожелала воевать ни на чьей стороне, часть ушла воевать за Асада, а часть все же входила в какую-то банду. Банды тоже следует разделять на непримиримых и на тех, с кем, я бы сказал, можно «помириться». Первые в основном оружие так и не сложили, только переехали в другие, еще не освобожденные районы. Часть переехала с семьями, часть семьи оставила на местах. Вот эти-то семьи проявляют ко всем русским самое настороженное отношение. Они боятся, что их будут преследовать за мужей и отцов. И такие случаи уже были, хотя и не со стороны власти, и не со стороны наших военных, а только со стороны другой части мирных жителей, которые, натерпевшись от бандитов, пошли на примирение полностью. Они семьи боевиков не жалуют, всегда стараются в чем-нибудь ущемить. К ним примыкают и те, кто вообще не воевал. Кстати, те из мужчин, что не воевали, в настоящее время, как я слышал, повсеместно рвутся идти служить в сирийскую армию. Но здесь дело даже не столько в желании поддержать президента, сколько в возможности устроиться на оплачиваемую работу, поскольку другую работу в Сирии сейчас найти трудно, а семьи у большинства многодетные, их содержать надо. Но это тоже мое субъективное мнение. А в целом я бы посоветовал полагаться только на себя и на своих людей. И частично, очень даже частично, на сирийскую армию, поскольку задание твое в ее интересах. По крайней мере, на офицеров сирийской армии, но не на солдат. Помни, что из сирийцев солдаты, по сути дела, никакие. Именно потому генерал Сухель лично отбирает бойцов себе в дивизию – он свой народ знает, чего-то могут стоить только отдельные личности. На спецназ еще можно в какой-то мере положиться. А армия в целом – чуть какое-то обострение,

собирают манатки и – руки в ноги! – кто быстрее убежит… Стрелять абсолютно не умеют, хотя любят стрелять ради шума и иллюминации или чтобы боеприпасы побыстрее закончились. Закончатся – можно отступать. Есть у них пятый добровольческий корпус, в котором работает куча наших советников. Обучают добровольцев тактике, технике и остальному. Про этот корпус кое-что рассказывают. Дело происходило, когда мы в Сирии были. Взяли добровольцы деревню. И тут же ее сдали. Их спрашивают: «Почему сдали?» – «ДАИШ[5 - ДАИШ (ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная в России.], – говорят, – пришли». ДАИШ – так по-арабски ИГИЛ называется. Послали разведку. В самом деле, в деревне около сорока «бандерлогов» и несколько пикапов с пулеметами. Пытаются солдат послать в атаку, деревню снова отбивать, а те не хотят идти. Тогда расстреляли в первом взводе каждого пятого. Остальные пошли и деревню почти без боя вернули, потому что «бандерлоги» сразу отступили. Тогда вот и слухи пошли о «заградотрядах». Дескать, в пятом корпусе, когда солдат посылают в атаку, за их спиной пулеметы ставят. Не верь. Это ерунда. Но вопрос здесь в другом. Ларчик просто открывается. Если сирийский солдат погибает в бою, на улице, где он жил, вывешивают его портрет и в течение года семье выплачивают сто миллионов сирийских лир. Это примерно двести тысяч долларов. А если солдата расстреляют – ни портрета на улице, ни денег семье. Потому пятый корпус так удачно и воюет. Поняли, что им выгоднее. О семьях заботиться хотят. Еще что… Обязательно будут к вам приставать, оружие, бронежилеты захотят купить. За бронежилет от «Ратника» «садыки» готовы заплатить две тысячи баксов плюс десяток овец и шесть жен. Но с себя снимать одежду – это дело последнего пьяницы. А бронежилет – это ведь тоже одежда. И еще, имей в виду, может пригодиться, если придется сыграть на этом, – американосов там не любят откровенно. Практически все стороны, кроме курдов, хотя среди курдов тоже есть разные люди и разное понимание ситуации. А вот к европейцам почему-то относятся более лояльно, особенно жалуют французов. Но это скорее по привычке. Последние довоенные годы сильно Сирия дружила с Европой и не поняла еще, что та ее резко предала в угоду Штатам. В том числе и любимая Франция их бомбит… Еще вопросы…

– Русскоязычные «игиловцы»…

– Много их там. В основном выходцы из республик Средней Азии. Но это и понятно. Дома у них нищета, а в ИГИЛ платят… Иногда платят. Обещают много, но не всегда платят сразу. Сейчас вроде раскусили систему, стали платить. Ведь у всех русскоязычных менталитет один: если не платят, то и работать не буду, буду просто делать вид, что работаю. А когда командование ИГИЛ это поняло и начало платить, тогда и воевать стали. А воевать они умеют. Особенно любят

почему-то из минометов стрелять. И хорошо стреляют. В машину при движении со второй мины обычно точно попадают. Хотя минометы часто самодельные, из простых труб сделаны. А мины из газовых баллонов. Им даже отдельное имя дали – «баллономет». При взрыве такая мина гораздо хуже стандартной. Там же еще остатки газа сохраняются, так что хоть небольшой, но есть эффект термобарического заряда. А это, сам понимаешь, что такое. От него ни в окопе, ни в блиндаже не спрячешься…

Так, разговаривая, они дошли до корпуса, где на втором этаже размещались комнаты «волкодавов», а на первом – учебные классы. Лесничий, посмотрев на часы, проговорил:

– Бойцы уже на отдыхе… Готовь свою группу, распределяй роли.

– Я мысленно уже распределил. На операцию отправлюсь сам с тремя бойцами, троих оставлю в группе поддержки, чтобы в случае чего могли встретить, огнем обеспечить нам нормальное возвращение.

– Трое прикрытия не обеспечат. Придется тебе сирийцев просить о поддержке. Мы всегда к ним обращались. Сбоев не было. Проси в поддержку сирийский спецназ. Только командира группы поддержки ставь своего и найди сирийского офицера, знающего русский язык, чтобы он команды командира группы переводил своим.

– Это еще один вопрос, который я хотел у тебя выяснить. Возможности общения с сирийцами на русском языке существуют?

– Обычно со старшими офицерами и генералами, которые когда-то в Советском Союзе военному делу обучались. Как правило, это от майора и выше, вплоть до генералов. Практически все русским владеют, кроме разве что самых молодых офицеров, которые учились или у себя дома, или в Европе, или где-нибудь в Саудовской Аравии, или в Египте и русскому предпочитают английский или французский. Ты сам, кстати, как, английским владеешь нормально?

– Практики мало было. Только с другими офицерами как-то занимались, пытались общаться. Мы-то друг друга даже иногда понимали, возможно, англичанам или американцам смогли бы что-то объяснить, но вот поймут ли нас настоящие иностранцы, те же сирийцы – это вопрос открытый.

– Неплохо было бы позаниматься, если время позволит. Вас когда обещают отправить?

– Ты же в кабинете был. Все разговоры слышал.

– Просто наш главный «волкодав» хорошо знает, что назначенные сроки – это, как правило, сбивающая с толку дезинформация. Готовым к отправке нужно быть всегда. Генерал Трофимов обещал завтра приехать с основным заданием, но это вовсе не говорит, что твою группу не поднимут по тревоге сегодня ночью. А генерал может прямо в самолет заявиться, чтобы задание передать и конечную задачу поставить прямо на борту самолета или вертолета. С нами такое уже случалось. Так что будь готов…

– Будем готовы, – спокойно ответил капитан Радиолов. – Мы вообще-то всегда готовы, подготовка ни на день не прерывается. Только бы задание успеть вовремя получить.

– Иногда мы даже с семьей прощались только по телефону. Да… Еще… Семейный вопрос… Простое человеческое любопытство. Что, кстати, у тебя с этим сирийским майором было? Какая-то скверная история? Мне же Селиверстов все обстоятельства не докладывает…

– Скверная история. Гиваргис был моим лучшим другом. Другом семьи. Мы с ним в одном взводе учились в Рязанском училище ВДВ.

– Девятая рота[6 - Девятая рота Рязанского училища воздушно-десантных войск – рота факультета специальной разведки, выпускники которой, как правило, отправлялись служить в органы военной разведки.]?

– Она самая…

– И что?

– Гиваргис часто бывал у меня дома, даже в мое отсутствие. Я с ним всем делился, все рассказывал. Так познакомил его помимо жены еще и со своей подругой на стороне. Она потом моей женой стала. Гиваргис, видимо, все моей половине рассказал, и уже перед выпуском она объявила, что уходит от меня и

уезжает жить в Сирию. И дочь с собой забрала. Дочери тогда еще года не исполнилось. Она меня почти не помнит. Да не «почти», а совсем, наверное, не помнит. Гиваргиса, скорее всего, отцом считает. Ладно, не буду вспоминать, больновато это. У меня сейчас другая семья есть. Прочная, как мне кажется…

Глава вторая

Капитан Радиолов вечером, когда за окнами уже стемнело, безуспешно пытался выиграть хотя бы одну партию в бильярд у заместителя командира первой боевой группы «волкодавов» гиганта лейтенанта Иващенко, который мог перегнуться через бильярдный стол и рукой достать противоположный край, чтобы вытащить из лузы бильярдный шар. Но стремление капитана редкостью в ЧВК «Волкодав» не было, обыграть Иващенко стремились многие и точно так же безуспешно. Смирившись с поражением, капитан ушел в свою комнату и по внутренней связи через микрофон и наушники шлема приказал всем шестерым бойцам группы пожаловать в гости к командиру.

Задачу он поставил по-армейски коротко и прямо:

– Наша боевая группа на днях отправляется в командировку за границу. Требую от всех офицеров быть готовыми к любому заданию в любое время дня и ночи.

– А что за задание, командир? – легкомысленно поинтересовался снайпер группы старший лейтенант Ласточкин. Он вообще был легким человеком во всем. И спросить мог все что угодно – самый глупый и ненужный вопрос задать не стеснялся. Но и лечь грудью по приказу на вражескую амбразуру старший лейтенант тоже мог. Характер у человека такой.

– Нам задачу поставят… – коротко ответил Радионов.

– А куда отправляемся? – поинтересовался обычно серьезный, но заводной по нраву лейтенант Карошко.

– И это объяснят при постановке задачи… Но вообще-то говорят, что «в Саратов»…

– На полигон, что ли? Новое оружие испытывать?

В это время зазвонил лежащий на тумбочке рядом с кроватью служебный смартфон капитана, такой же, как у всех бойцов, – марки «Блекберри», но с созданной программистами ГРУ собственной программой прошивки шифрования разговоров взамен аналогичной стандартной программы. Благодаря этой программе каждая трубка бойцов ЧВК имела возможность шифровать разговоры. Кроме того, эта же трубка находилась на постоянном контроле спутников ГРУ. При обычном двустороннем общении ничего не происходило. Но если подключался с прослушиванием третий абонент, спутник разговор блокировал и подавал соответствующий звуковой сигнал оповещения. Телефонный номер или электронный адрес прослушивающей стороны сразу регистрировался и в дальнейшем, после изучения, блокировался тем же спутником с помощью специального вируса – чтобы неповадно было в военные секреты соваться.

Радиолов, шагнув к тумбочке, посмотрел на определитель, удивленно пожал плечами и сказал скорее самому себе, чем офицерам группы:

– Полковник Селиверстов… В такое время… Что-то забыл сказать, не иначе… – и только после этого нажал кнопку ответа и поднес трубку к уху: – Капитан Радиолов. Слушаю вас, товарищ полковник.

– Алексей Терентьевич, мне сейчас генерал Трофимов звонил. Я понимаю, что время уже позднее. Тем не менее вопрос касается твоей группы – у кого есть необходимость, может до восьми ноль-ноль утра отправиться домой, попрощаться на время командировки с семьей. Тем более что точное время начала командировки неизвестно. Думаю, отправка состоится в ближайшее время. Есть у кого-то необходимость?

– Думаю, есть у всех.

– Я тоже так подумал. Генерал уже заказал самолет ВТА[7 - ВТА – военно-транспортная авиация.] – не особенно комфортно, но терпимо, только требуется время на согласование пролета через территорию Ирана и Ирака. Как только согласуют, будет вылет. Твоя группа летит как сопровождение груза, следовательно, без права покидать самолет во время посадки. Это не требует оформления визы. Оформляется только пролет самолета, и обычно это

совершается в течение дня. В Иране, на границе с Ираком, вас прямо в воздухе встретят наши истребители и сопроводят до места. Это в целях безопасности пролета. А пока – решайте собственные домашние дела. Я только что о твоей группе побеспокоился, позвонил в гараж. Авторота выделит вам все что может, а может она выделить только три машины, три «уазика». У тебя, насколько я помню, своя «телега» в гараже стоит, можешь ею воспользоваться. Остальных парами наши машины развезут, а утром заберут. У нас все машины оборудованы навигаторами, и адреса будут отмечены точками на карте, водитель не заблудится. Да и дорога из города по утрам относительно свободна, успеют доехать.

– Понял, товарищ полковник. Можно всем составом в гараж отправляться?

– Минут через пять. Я только что туда звонил. Пока они людей на машины посадят, пока то да се… Через пять минут выходите. У меня все. Конец связи…

– Конец связи, товарищ полковник…

Капитан убрал трубку в карман, а не вернул ее снова на тумбочку, из чего можно было сделать вывод, что он уже начал собираться, и обратился к офицерам своей группы:

– Ну что, товарищи офицеры, готовы к боевой командировке? Скорее всего, завтра вылетаем. Наверное, уже могу сказать, поскольку мне этого не запрещали, что летим в Сирию, которую в армейском жаргоне называют «Саратовом». А сейчас собираемся и всем составом идем в гараж. Я на своей машине поеду, а на остальных выделят по «уазику» на каждую пару. К восьми утра необходимо вернуться. Все понятно?

– Понятно, командир. Не дети же… – за всех ответил старший лейтенант Ласточкин. Он вообще часто позволял себе говорить за всю группу.

– Одевайтесь, через три минуты сбор у меня в комнате. В гараж двинем…

– Надо же, Радиолов семью надумал навестить… И почти ночью, когда дети спят. – Жена тоже собиралась уже, видимо, ложиться спать, поэтому выглядела

не слишком довольной. Она продолжала носить свою фамилию, и его часто звала не по имени, а по фамилии. В обычной обстановке капитан навещал семью только на два выходных дня, оттого Людмила и удивилась.

– Попрощаться отпустили. До утра. А потом – в командировку на неопределенное время.

– Учения, что ли?

– Хуже. Загранкомандировка. Боевая.

– Случаем, не на Украину? А то бы матери посылочку передать. Я быстро соберу, что смогу. У нас найдется…

Мать у Людмилы жила в Донецке, где временами то бомбили, то постреливали. И она постоянно за нее переживала. Но в телефонных разговорах мать не жаловалась, говорила, что все у нее нормально.

– Нет. Намного дальше.

– А где у нас еще воюют? Не в Сирию же…

– Так точно. Туда…

– Сам напросился? – мрачным голосом, в котором вдруг проявились неприятные басовитые нотки, спросила Людмила. – По своей красавице соскучился!

Людмила всегда отличалась повышенной ревностью, так что этот вопрос Радиолова не удивил. Он только устало вздохнул:

– Ты считаешь, что командование должно прислушиваться к личному мнению какого-то капитана?

– Значит, личное мнение все же существует…

– Личное мнение по человеческой психологии, как и по психологии всего живого, не может не существовать. Потому что каждое живое существо умеет думать. Даже, наверное, комар, который на нос человеку садится, думает, что человек не будет сильно бить себя по носу лопатой, чтобы его убить, собственный нос пожалеет. А ты вот свои нервы пожалеть не хочешь. Сама психуешь и меня нервируешь, чтобы я в боевых действиях был в заведенном состоянии. Надеешься, что я под пули в таком состоянии полезу? Напрасно надеешься… У меня нервная система крепкая. Хочешь от меня избавиться таким образом?

Радиолов по опыту знал, что в такой ситуации самая лучшая защита – это встречное нападение, потому и говорил напористо, с вызовом. Людмила, как он и предполагал, сразу пошла на попятную, хотя в ее голосе все еще чувствовались нотки агрессивности.

– Что ты такое говоришь-то… Избавиться! И куда я потом без тебя с двумя-то детьми! Я их даже прокормить не смогу!

Да, на зарплату операционной медсестры городской больницы прокормить двоих детей сложно, понимал капитан Радиолов. Конечно, если с ним самим что-то случится, то какое-то пособие Людмила получит. Но это все единовременные выплаты, которые будут не в состоянии обеспечить детям ни устройство в жизни, ни получение качественного образования. Естественно, отправлять детей на учебу во Францию, как это сделал майор аль-Хабиби, капитан Радиолов и не мечтал. Не зарабатывает он столько. Да и не в одних деньгах дело. Просто служба его не сможет приветствовать подобные действия. Автоматически будет считаться, что офицер военной разведки, пусть и проходящий в настоящее время службу в частной военной компании, станет уязвимым для действий противника, если его дети учатся за границей. Через них вполне можно оказывать давление…

– Это вообще-то опасная командировка? – уже миролюбиво спросила Людмила.

– Не думаю. Хотя там обстановка сложная. И случиться может всякое. Ты, главное, не думай о плохом, и плохое стороной тебя обойдет. Так всегда в жизни бывает. По крайней мере, в моей жизни всегда именно так случается.

– Это я знаю. Но ты все равно – побереги себя там. Хотя бы ради детей – побереги…

Ему очень хотелось рассказать жене о задании, потому что с его слов она много раз слышала про Гиваргиса. Но, во-первых, боевое задание остается боевым заданием, и о нем никому нельзя говорить, потому что неизвестно, какие пути могут быть у простых, случайно оброненных слов и куда эти слова могут дойти, до чьих ушей. Такие беседы были запрещены как в спецназе ГРУ, так и, естественно, в ЧВК. Во-вторых, Людмила не настолько глупа, чтобы не понимать всю сложность и опасность такого задания. Она будет нервничать, переживать. А капитан не желал жене этого.

– Но ты, правда, со своей там встречи искать не будешь? – Все же подозрение сидело в душе Людмилы глубоко. А когда он уедет, понимал Радиолов, она вообще изводить себя начнет. Так всегда бывало.

– Я и не смогу, – соврал он. – Она сейчас у дочери во Франции. Дочь там в университете учится. Это мне полковник наш сказал. Он о нашей жизни знает больше, чем мы сами. Ему по службе положено и по профессии.

– А Гиваргис твой? Если встретитесь, эксцессов не будет?

– Про него я вообще ничего не знаю, – врал дальше капитан. – Но ты же знаешь меня. Я сам по себе человек не конфликтный. Да и забыл уже все, и Гиваргиса, и его жену. Моя жена дома остается, меня ждет…

Он обнял жену за талию, которой она всегда гордилась, прижался лицом к ее груди, и так они оба надолго замерли…

Утром капитан Радиолов выехал на базу на пятнадцать минут раньше, чем выезжал обычно после двух выходных дней. Словно чувствовал, что в пути предстоит какая-то задержка. Своему предчувствию капитан привык доверять. Так все и случилось, как интуиция предупреждала. Там, где шоссе Энтузиастов ныряло под МКАД, упала на бок перегруженная выше уровня фура и почти перегородила дорогу. Автомобили проезжали сбоку по одному под присмотром инспектора ГИБДД, и пробка растянулась на добрый километр. На то, чтобы проехать, ушло двадцать минут, и, чтобы успеть добраться до базы ЧВК ровно к восьми, Радиолову пришлось ехать с превышением скорости. Его компактный «Мицубиши Лансер», хотя и был автомобилем в годах и накатал уже почти двести тысяч километров, со скоростью вполне справлялся. К счастью, по пути не попалось ни одной машины патрульно-постовой службы, хотя раньше их

здесь можно было встретить неоправданно часто, видимо, на этом пути «гиббонам» обычно было чем поживиться.

Свернув на боковую дорогу уже за последними частными домами, стоящими вдоль шоссе, Радиолов ехал уже с осторожностью, памятуя о небольшом клиренсе[8 - Клиренс – расстояние от дорожного полотна до нижней части поддона автомобиля.] своего автомобиля и о том, что однажды здесь же въехал нерасчетливо в колею, после чего пришлось искать трактор, чтобы вытащить автомобиль. Сейчас времени на такие мероприятия отпущено не было. Просто пришлось ехать аккуратнее, по крайней мере, есть гарантия добраться до места не на буксире.

Дежурный по КПП старший сержант стоял на крыльце своей будки и, увидев машину капитана, которую знал, что-то сказал в открытую за своей спиной дверь, видимо, послал солдата открывать ворота. При приближении машины он козырнул, здороваясь. Радиолов в ответ опустил стекло и, приветственно подняв руку, спросил:

– Моя группа уже вернулась?

– Пока только одна машина из трех. Еще две ждем… – ответил старший сержант.

Ворота тем временем раскрылись только на одну широкую створку, но для транспорта этого хватало. Капитан заехал и сразу за воротами увидел старенькую «двадцать первую» «Волгу» – личную машину генерала Трофимова. Значит, генерал уже здесь. Но полноприводного микроавтобуса «Фольксваген Панамерикана», что каждое утро возил на работу полковника Селиверстова и трех его собак, на стоянке не было – или он уже стоял в гараже, или еще не приехал. Радиолов сразу двинулся в сторону гаража, где обычно ставил в отдельном, специально для него выделенном боксе, свой «Мицубиши», и там спросил про полковника.

– Нет, еще не приехал… – вальяжно ответил пузатый прапорщик-механик в засаленной спецовке. – Генерал, что на «Волге» ездит, уже в его кабинете сидит…

Видимо, механик достаточно давно служил в ЧВК и в отличие от Родиолова мог не раз видеть генерала в мундире, поэтому капитан нисколько не удивился

словам прапорщика. Тем не менее, не рассчитывая, что Трофимов будет давать ему ЦУ в отсутствие полковника, отправился сначала в свой корпус и сразу поднялся на второй этаж, где располагались только жилые комнаты, в обиходе называемые «кубриками». Не успел он войти в свой «кубрик», как в дверь тут же постучали. И в комнате появились снайпер группы старший лейтенант Ласточкин и сапер группы старший лейтенант Опарин. Они, как знал Радиолов, жили в одном дворе, окнами квартир друг против друга и, видимо, ехали в одной машине.

Пожав поочередно руки пришедшим, Радиолов отошел к окну и увидел, как от административного корпуса в сторону стоянки отъезжает микроавтобус «Фольксваген Панамерикана». Значит, полковник Селиверстов уже приехал. И тут же во двор один за другим въехали два «уазика». Прибыли и остальные бойцы группы. За несколько минут до истечения контрольного времени. Капитан бросил взгляд на часы, чтобы зафиксировать время прибытия группы, и тут раздался звонок его телефона. Позвонил полковник, чтобы вызвать к себе Радиолова.

– Иду, товарищ полковник, – ответил в трубку капитан.

– Мы ждем… – коротко сказал Селиверстов и отключился.

– Нам идти с тобой, командир? – поинтересовался старший лейтенант Ласточкин.

– Пока Селиверстов группу не приглашал. Остальные подойдут, ждите все вместе здесь, если что, я позвоню, позову вас.

В кабинете полковника были те же лица и на тех же местах, что и минувшим днем, и даже три собаки так же лежали на полу рядом с полковничьим креслом. Исключение составлял только старший лейтенант Лесничий, которого на сей раз не пригласили. Иначе это было бы дежавю.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу полковнику, – по-уставному произнес капитан.

Трофимов только рукой отмахнулся и поморщился, показывая, что он не любитель уставных церемоний.

Радиолов принял это за согласие и доложил командиру ЧВК «Волкодав»:

– Товарищ полковник, командир второй боевой группы по вашему приказанию прибыл.

– И хорошо, что прибыл. Группа готова?

– Группа была готова еще вчера.

– А сегодня? – слегка съехидничал полковник Самохвалов.

– Сегодня, товарищ полковник, бойцы подрагивают от нетерпения, как стволы автоматов перед боем. Бывает и у людей подобное состояние психики, особенно когда не знают, что их впереди ждет.

– И добро. Присаживайся. Виктор Иванович введет тебя в курс дела, – распорядился хозяин кабинета.

Стул стоял на прежнем месте, прямо напротив рабочего стола Селиверстова, и Радиолов присел на него точно так же, как минувшим днем, на краешек, словно опасался, что стул под ним развалится.

– Значит, так… – Генерал свернул в трубочку несколько листов бумаги, которые держал в правой руке, и похлопал себя этой трубочкой по ладони левой руки. – По прибытии в Сирию всей группой поступаете в распоряжение бригадного генерала Сухеля аль-Хасана[9 - Сухель аль-Хасан, бригадный генерал, реальное лицо, один из самых прославленных и самых талантливых сирийских полководцев. Уже став генералом, в первых рядах своих бойцов ходит в атаку на противника. А через громкоговорители артисты читают стихи генерала, призванные поднять боевой дух бойцов дивизии.].

– Это, кажется, командир дивизии сирийского спецназа «Силы тигра»? – показал Радиолов определенное знание сирийской ситуации.

– Точно так, – ответил генерал. – А майор Гиваргис аль-Хабиби – можно сказать, воспитанник генерала, хотя сам генерал аль-Хасан ненамного старше по возрасту. Просто когда-то аль-Хабиби был одним из первых офицеров, которых

будущий генерал привлек в свои силы. Он каждого бойца своей дивизии привлекает сам, лично подбирает состав, от офицеров до рядовых. Он же разрабатывал план вывода аль-Хабиби к террористам. Есть у генерала начальник разведотдела дивизии, акид, по-нашему – просто полковник, Имад аль-Аттан, некогда окончивший нашу военно-дипломатическую академию при ГРУ. Он будет непосредственно руководить действиями твоей группы. Но, скорее всего, не лично, а через своего советника, полковника Черноиванова, которому непосредственно будешь подчиняться. Вот здесь, – протянул Радиолову свернутые трубкой листы Трофимов, – вся подготовленная и подобранная специально для тебя информация для предполагаемой операции. Ознакомься здесь же, в кабинете, распишись на обороте и верни мне документ…

Капитану пришлось расстаться со своей неустойчивой позой на стуле, встать и взять бумажную трубку из руки генерала.

– Устраивайся за моим столом, – предложил полковник Селиверстов, вставая и освобождая офисное кресло. – Здесь читать будет удобнее, – и отодвинул подальше клавиатуру компьютера, чтобы освободить место.

Три волкодава полковника внимательно проследили за капитаном глазами. Им, похоже, не слишком понравилось, что место их хозяина занял другой человек. И Селиверстову пришлось наклониться, потрепать собак по холке и успокоить…

Глава третья

Листов распечатки оказалось больше, чем показалось вначале. Читал Радиолов быстро, не теряя при этом сконцентрированной внимательности, несколько раз возвращаясь глазами к уже прочитанному тексту. А когда закончил чтение и перевернул обратной стороной к себе последнюю страницу, где следовало написать: «С документом ознакомлен», поставить число, время, должность, полностью имя и фамилию без звания и оставить автограф, генерал, перебирая на животе толстые пальцы сомкнутых в замок кистей, спросил:

– Вопросы есть?

– Так точно. Обязательно.

– Слушаю. Отвечу, только если вопрос будет в моей компетенции.

– Генерал Сухель аль-Хасан готовил ввод аль-Хабиби к террористам. Почему теперь он сам не выводит его?

– Вопрос не моей компетенции. Мне приказали организовать, я этим и занялся. Есть только мысли об этом.

– Это тоже может помочь в деле, товарищ генерал.

– Генерал Сухель за короткий срок сделал головокружительную карьеру. Он же сам еще молод. Родился только в тысяча девятьсот семидесятом году. И пользуется в сирийском народе громадной популярностью, если не сказать, что славой. Это, естественно, раздражает многих старших по званию генералов в командовании сирийской армии и в сирийском Генеральном штабе. Многие боятся, что Сухель «подсидит» их. А наше командование имеет дело больше с Генеральным штабом и с более высоким командованием, чем командир дивизии спецназа. Вот высшее сирийское командование и обратилось к нам за помощью в завершении операции, чтобы генералу Сухелю не досталось еще одного «кусочка славы». Но это, повторяю, только мои личные соображения, основанные на знании восточной хитрости и привычных для Востока интриг. У меня лично генерал Сухель вызывает большое уважение. Это все. Еще вопросы есть?

– Есть не вопрос, а пожелание, товарищ генерал. Хотелось бы иметь побольше данных на этого американца… майора Джереми Кокса. Что это за тип? Тут про него коротко сказано, что он с американской стороны активно курирует Гиваргиса, буквально контролирует каждый его шаг. Хотелось бы побольше узнать об этом типе…

– К сожалению, у нас нет на него никаких данных. Вообще – ничего! Ни о прошлой службе, ни о настоящей жизни. Подозреваю, что фамилия Кокс – это псевдоним. Наши хакеры пытались хоть что-то отыскать. Не смогли. Потому есть подозрения, что это достаточно известный и серьезный противник. Конкретно по нему в настоящее время ведется определенная работа. Создана отдельная оперативная группа. И разведотдел генерала Сухеля по нему тоже работает. Что

будет, тебе подскажут.

– Можно попробовать задействовать хакера первой боевой группы лейтенанта Суматоху, – вмешался в разговор полковник Селиверстов. – Он умеет добывать нужные сведения. Уже много раз выручал нас своим нестандартным мышлением. Попроси, капитан, Лесничего выделить тебе Суматоху на несколько часов. Да я и сам позвоню и попрошу, но ты тоже сходи. Две просьбы всегда вернее одной.

– Можно подумать, что у нас нет собственных хакеров, – проворчал генерал. – Есть у нас отличные специалисты, и занимались конкретно этим Коксом по заказу оперативной группы. Но ничего найти не сумели. Предполагается, как я уже сказал, что Джереми Кокс – это полностью отвлеченный псевдоним.

– Тем не менее, – стоял на своем полковник, – пусть и Суматоха попробует. Чем черт не шутит! Ваши хакеры ищут, насколько мне известно, в картотеке ЦРУ и Министерства обороны США, а дальше, когда нужно шире смотреть, просто не суются, не зная, где искать. Но в США одних только разведывательных служб насчитывается семнадцать штук[10 - Так называемое Разведывательное сообщество США (United States Intelligence Community) – собирательный термин для обозначения семнадцати отдельных правительственных учреждений США, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности в интересах США. Разведсообщество США представляет собой совещательный орган для координации разведывательных действий отдельных учреждений исполнительной власти, собирающих техническими и агентурными средствами информацию для защиты национальной безопасности США. Учреждено президентом Р. Рейганом в декабре 1981 года. Подчиняется Директору национальной разведки, которым обычно бывает советник президента по разведке.]. Суматоха все их знает и может по пальцам пересчитать. Кроме того, он практикует поиск через социальные сети. И через международные, и через внутренние американские. И это часто дает результат. Американцы, как говорит Суматоха, родились с клавиатурой в руках и начинают работать за компьютером раньше, чем научатся ходить.

Трофимову осталось только передернуть плечами и презрительно оттопырить нижнюю губу. Но, когда командир что-то советует своему подчиненному, мнение стороннего генерала может не приниматься всерьез. Это Виктор Иванович хорошо понимал. И потому спокойно отреагировал на то, что Селиверстов вытащил трубку и стал звонить старшему лейтенанту Лесничему. Естественно, старший лейтенант не отказал полковнику. Убрав трубку, Георгий Игоревич

кивнул Радиолову:

– Через восемнадцать минут у группы заканчиваются занятия по скоростному снайпингу. Встреть их у тира. Лесничий, в принципе, причины для возражений не видит, короче говоря, он согласен передать Суматоху в твое распоряжение на время следующих занятий.

– Время позволяет, – сделал Трофимов «хорошую мину при плохой игре». – Выезжать в аэропорт Чкаловский в девятнадцать ноль-ноль. До этого момента отчего же не поискать, если больше дел нет. Только не забудь, капитан, склад посетить и получить все, что тебе может понадобиться в командировке.

Но на полковника Селиверстова он посмотрел все же сердито и с сосредоточенным раздражением во взгляде. Тот, однако, никак не отреагировал на этот взгляд, только его собаки, уловив напряжение в голосе генерала, дружно подняли головы. Ирландские волкодавы очень чувствительны к интонациям человеческого голоса…

Первая боевая группа ЧВК вышла из тира не строем, а почти гражданской толпой, от которой ее можно было отличить только по камуфлированной одежде без погон, да по наличию в руках автоматов «АК-12» с глушителями и с внешне крупными оптическими прицелами. Величину оптическим прицелам давала предобъективная тепловизионная насадка Infratech ИТ 310 ТПН, точно такая же, как на прицелах второй боевой группы. Радиолов сидел на скамеечке, дожидаясь, когда коллеги освободятся. Командир первой боевой группы увидел его сразу, позвал за собой внешне ничем не примечательного, рыжеватого и веснушчатого офицера и направился в сторону капитана.

– Вот, познакомься, Алексей Терентьевич. Это лейтенант Суматоха, зовут его Егор Петрович. Он наш штатный, можно сказать, компьютерщик и хакер. Весьма, надо признать, талантливый и изобретательный. С ним можешь обсудить свою проблему. Если сможет помочь, то поможет.

Внешний вид лейтенанта Суматохи не вселял в командира второй боевой группы доверия. Слишком уж незатейливым выглядел хакер. В понимании Радиолова, хакер должен «смотреться» иначе – должен быть худощавым, кудлатым и, возможно, носить очки. На пальцах у него должны быть серебряные или

стальные кольца, и обязательно на большом пальце, где обычные люди, как правило, не носят, перстень с черепом. Часто хакеров изображают с небольшой козлиной бородкой. А лейтенант Суматоха выглядел излишне простоватым, грубо говоря, рабоче-крестьянский тип человека, тем не менее, несмотря на недоверие к внешнему виду, отказываться от услуг хакера было уже поздно. Поэтому капитан Радиолов, поднявшись со скамейки, пожал руку лейтенанту и представился встречно, не называя себя ни по должности, ни по званию.

– Ну, вы тут договаривайтесь, а я с группой двину на отдых после занятий, – предложил Лесничий. – От следующих занятий я Егора Петровича освободил. За три академических часа[11 - Академический час равен сорока пяти минутам.] плюс перерывы по пятнадцать минут, надеюсь, с задачей справитесь. У нас следующие занятия – две с половиной пары[12 - При расчете на академические часы занятия, как правило, делятся на пары, то есть по два академических часа плюс перерыв. В армии иногда используется понятие полутора или двух с половиной пар.].

– Постараемся, – пообещал Радиолов и повернулся к лейтенанту: – Куда пойдем? В компьютерный класс?

– Я больше привык со своего ноутбука работать. Он у меня мощный. Сигнал Wi-Fi в моей комнате берется хорошо. Пойдемте в мою комнату…

Комната Суматохи располагалась на том же этаже, что и комната самого Радиолова, только в другом крыле. Лейтенант открыл дверь своим ключом, вошел и сразу двинулся к письменному столу, на котором стоял открытый, хотя и выключенный ноутбук, нажатием одной кнопки запустил загрузку. Компьютер мигнул изображением, сначала монитор погас, потом началась планомерная загрузка.

– Данные на кого, товарищ капитан, требуются?

– Некий Джереми Кокс, официально считается майором американских войск ПВО. В настоящий момент он находится в Сирии среди террористов. Возможно, Джереми Кокс – это его псевдоним. По крайней мере, я так подозреваю, как и генерал СВР Трофимов. Меня в первую очередь интересует действительное место службы Кокса, звание и профессиональная квалификация. Но не только это. Короче говоря, все, что можно о нем собрать. Даже самое, казалось бы,

неинтересное. А самое интересное – задача, которая перед ним поставлена. Запиши, лейтенант, – Джереми Кокс…

– Меня память еще ни разу не подводила. Я такие вещи не записываю. Мне запомнить легче, чем потом читать имя на бумажке. Я пока делом займусь, а вы, товарищ капитан, идите к себе в комнату. Если быстро найду, я к вам загляну. Какой у вас номер комнаты?

– Восьмая комната.

– Это напротив нашего командира? Найду. В прямом коридоре, надеюсь, не заблужусь. Если не зайду, через три часа вы ко мне загляните. Договорились?

– Договорились, лейтенант…

По короткому пути от комнаты Суматохи до своей Радиолов вспоминал расписание занятий своей боевой группы, которое сам же и составлял вместе с полковником Самохваловым, являющимся не только заместителем командира «волкодавов», но и заведующим учебной частью ЧВК. Через полчаса должны были начаться занятия по криптографии. Вообще-то в группе был свой штатный шифровальщик, доступ к кодам и перешифровальным таблицам которого имел только один командир. Но это вовсе не говорило, что в случае гибели штатного шифровальщика командир обязан его заменить. Заменой погибшему или раненому может стать любой из бойцов группы, поэтому обучение шифроделу проходили все и все получали азы знаний, хотя и не на полном профессиональном уровне.

Свою группу Радиолов застал в своей комнате, как он и распорядился изначально, ожидающей приказа командира.

Ему пришлось напомнить бойцам о скором начале занятий и отправить группу в учебный класс. Выходя из дверей, старший лейтенант Ласточкин задержался на пороге и спросил:

– Время выезда неизвестно?

– А ты что, мечтаешь для нас засаду на дороге устроить?

Старший лейтенант резко шагнул в коридор, и Радиолов ему в спину все же сообщил:

– В девятнадцать ноль-ноль… А до этого еще склад должны посетить и полученное оружие пристрелять. На это тоже, думаю, не менее часа потребуется…

Группа ушла. Капитан подождал несколько минут, стоя у окна, после чего тоже пошел в класс, намереваясь отсидеть хотя бы первый час из стандартной академической пары, а потом зайти к Суматохе. Однако в самом конце первого часа занятий дверь в кабинет тихо приоткрылась, и в проеме показалось улыбающееся лицо хакера, и Радиолов, отпросившись у преподавателя, капитана Касаткина, быстро покинул аудиторию.

– Нашел я вашего Альфонса, товарищ капитан, – продолжая улыбаться, доложил Суматоха.

– Почему Альфонса? Альфонс – это человек, профессионально живущий за счет разных женщин. А меня интересовал Джереми Кокс.

– Его настоящее имя Альфонсас Цитукас, по национальности он грек, и, как положено современному греку в отличие от древнего, чернявый и кучерявый, внешне вполне похож на сирийца или на любого другого семита, хотя таковым и не является. Я даже его фотографию сохранил вместе со всеми данными. – Суматоха протянул Радиолову флешку, куда, видимо, перебросил данные. – По званию он – полковник. Служит в Управлении по борьбе с наркотиками. Это, как ни странно, не подразделение ФБР, а самостоятельное Управление в составе Разведывательного сообщества США, хотя я не очень понимаю, какое отношение имеют наркотики к противовоздушной обороне. Знаю только, что когда-то, будучи еще команд-сержант-майором[13 - Команд-сержант-майор – звание в американской армии, примерно приравнивается к старшему сержанту или старшине в российской армии.], Альфонсас Цитукас действительно служил в частях американского ПВО. Но это было давно, когда он еще был молодым и не имел высшего образования. Тем не менее дослужился до команд-сержант-майора. А сержант в американских войсках – это наполовину офицер. У них сержант взводом командует. Правда, я не знаю, как обстоят дела с должностями

в американских ПВО, тем не менее сержант, тем более команд-сержант-майор, – это далеко не рядовой. После службы Кокс-Цитукас воспользовался положенными по американскому закону льготами, поступил на бесплатной основе в университет, который благополучно и окончил. В США, кстати, войска ПВО объединены с канадскими и должны защищать всю Северную Америку, от Аляски до Техаса.

– Я в курсе, – задумчиво кивнул Радиолов. – Могу даже объяснить кое-что из того, что помню. Войска ПВО США и Канады по большей части состоят из радиолокационных станций различного уровня и авиации, то есть истребителей-перехватчиков. Зенитная артиллерия, например, у них полностью ликвидирована. Правда, остались в строю зенитные ракетные комплексы. А вот какое отношение ПВО США имеет к Управлению по борьбе с наркотиками… Дело в том, что в США сильно развита малая авиация. То есть небольшие частные самолеты, на которых легко перелететь, например, из Мексики или из Колумбии через Мексику в Техас. Наркодилеры такими возможностями широко пользуются. И пограничная служба США совместно с Управлением по борьбе с наркотиками и войсками ПВО старается контролировать границу с помощью аэростатных радиолокационных постов, способных заглядывать даже за горизонт. Может быть, полковник Цитукас служил как раз на таком аэростате? А как вы вообще на него вышли?

– Проще простого. Хотя во многом, как обычно, случайно, – скромно отнес Суматоха свое умение к счастливому случаю. – Но об этом я позже расскажу. А сейчас просто отвечу на ваше предположение, товарищ капитан. Дело в том, что сержант Цитукас командовал зенитно-ракетным комплексом системы ПВО. И именно поэтому он оказался в Сирии среди боевиков. Как бывший сержант, он в состоянии проводить обучение бандитов, а вот, как полковник Управления по борьбе с наркотиками, он там совершенно не нужен, и необходимо основательно подумать, что этот полковник затевает. Он наверняка появился там не просто так. Я бы лично предположил, что готовится какая-то значимая и резонансная провокация против кого-то в Сирии. Но мне издали трудно судить о конкретных делах, которых я не знаю. Теперь о том, как я до полковника добрался. Существуют чисто американские и международные социальные сети. Обычно поиск штатными хакерами ведется в самых популярных, в «Фейсбуке» или в «Твиттере». Там я, естественно, ничего не нашел, хотя тоже пытался. Есть еще такая международная сеть MySpace, самая популярная, кстати, сеть в мире. Конкурирует с «Фейсбуком» и часто опережает, в настоящее время насчитывает более восьмидесяти миллионов пользователей в разных странах. Вот там я нашел ссылку на другую социальную сеть, чисто американскую, – на Faqqly,

откуда была взята запись. Faqqly – это сеть, рекомендуемая любопытным подросткам и вообще молодежи, и запись была подписана именем пользователя Джереми Кокс. Причем это было даже не имя, а ник, то есть интернет-псевдоним. Тогда я и подумал, что где-то должно «плавать» и его настоящее имя. Кстати, у сети Faqqly достаточно хорошая защита, если сравнивать ее с другими сетями, и мне пришлось повозиться. Через известный мне IP-адрес рабочего компьютера ФБР я вошел в сеть Faqqly, администраторам которой адрес ФБР был, как я предположил, хорошо знаком, кстати, так, видимо, и оказалось, потому что мне никто не пытался помешать, даже не заметили, что я, в отличие от ФБР, не запрашиваю чужие пароли, а подбираю их с помощью суперкомпьютера метеостанции на Багамских островах – это в настоящий момент самый быстрый суперкомпьютер в мире. Но если администраторы и определили, что у них работает компьютер ФБР, они следить за ним перестали. Вероятно, это было обязательной процедурой, и в самом ФБР такую свою любопытную назойливость оправдывают борьбой с терроризмом. Но не в этом суть…

– Короче говоря, вы, Егор Петрович, стали активным борцом с терроризмом…

– Проще, товарищ капитан, проще… Я просто к ним подмазался или, говоря американизмами, аффилировал себя с ФБР. И у меня легко получилось. Короче, взломал я аккаунт под ником Джереми Кокс и узнал, что этот аккаунт принадлежит Теодориусу Цитукасу, подростку. Стал копать дальше, выяснилось, что у Теодориуса отец служит в Управлении по борьбе с наркотиками, носит звание полковника и время от времени пользуется аккаунтом сына в социальной сети Faqqly, и через нее нашел нескольких своих старых друзей и по колледжу, и по университету, и по службе в армии. По их переписке, их интернет-общению я и узнал многие эпизоды из жизни полковника. Причем переписку я копировал полностью и сохранил на флешке, которую вам передал.

– Но это может быть и совсем другой человек! – возразил Радиолов. – Как это можно проверить?

– Неужели вы, товарищ капитан, думаете, что я не стал проверять! Я, конечно, слегка ленив, но не до такой степени, чтобы забыть о чувстве долга. Зная место службы полковника Цитукаса, я забрался в документы их департамента кадров и нашел данные о получении полковником Цитукасом международного американского паспорта на имя Джереми Кокса. В США люди постоянного собственного паспорта не имеют, там бывает достаточно страхового

свидетельства или водительского удостоверения, паспорт обычно выдается только при выезде за границу. А на сайте управленческой бухгалтерии я нашел данные о получении командировочных средств для длительного проживания в Сирии: причем в сирийских фунтах, которые иногда называют сирийской лирой. Потом для подтверждения забрался в деловой департамент, как у них называется подразделение, аналогичное нашему секретному отделению, и там нашел документ, подтверждающий получение полковником Альфонсасом Цитукасом официального псевдонима «Джереми Кокс» и его собственноручно написанное определение по этому псевдониму. Причем не набранное на компьютере, как сейчас делается повсеместно, а именно написанное от руки. Это определение я тоже скопировал на случай, если вам понадобится, предположим, сверить почерк. Предполагаю, что необходимость написания определения обуславливается тем, что псевдоним должен быть отвлеченным и не носить никаких ассоциаций. Полковник Цитукас говорит в своей бумаге о том, что Джереми Кокс – это ник его сына в социальной сети Faqqly, и аргументирует возможность использования псевдонима тем, что в то время, когда он будет находиться в командировке, сын будет выходить в сеть от своего имени и обсуждать свои проблемы и ситуации. При этом полковник умолчал, что прозвище «Кокс» – его собственное. Так его звали в колледже, где некоторые сокурсники даже считали, что у него в венах течет негритянская кровь – он был в молодости чрезвычайно смуглым, очень кудрявым и действительно слегка смахивал на негра. По крайней мере, на какого-нибудь метиса. Так я убедился, что нужный вам человек реально является полковником Альфонсасом Цитукасом.

– Спасибо, Егор Петрович! Отлично выполненная работа!

– Согласен. Удачно все прошло. Благодарность, товарищ капитан, принимаю. Но это далеко не все…

– Главные данные, что не смогли добыть хакеры СВН, вы мне добыли…

– Мне кажется, что и дополнительные данные достаточно важны.

– Я слушаю…

– Меня сильно заинтересовал вопрос о совместимости работы бывшего сержанта ПВО и полковника Управления по борьбе с наркотиками.

– Да, меня такая тематика тоже волнует, – кивнул Радиолов и приготовился слушать дальше.

– Я стал интересоваться карьерой полковника. Памятуя, что он по национальности грек, я предположил, что руководство постарается использовать черты его национального характера, то есть склонность к интригам и провокациям. Так и оказалось. Полковник Цитукас в своем Управлении – главный специалист по провокациям. Причем в их организации довольно часто сотрудничает и с ФБР, и с ЦРУ, и с разведывательной службой американского Госдепартамента[14 - Госдепартамент США – официальное название Министерства иностранных дел США.]. Я же пошел дальше. Зная стремление американцев к подражанию, забрался в регистрационный отдел рабочей библиотеки Управления по борьбе с наркотиками. Конкретно поинтересовался их архивом. Оказалось, полковник Цитукас активно изучал различные дела по организации провокаций на самом различном уровне, от простых людей, которые мешали кому-то из политиков, способных оплатить услуги, до провокаций против государственных деятелей других стран. Помните такого типа, как Мануэль Норьега…

– Это диктатор Панамы, кажется? Про которого президент Рейган сказал, что «Норьега, конечно, сукин сын. Но он наш сукин сын».

– Да. Официально он не занимал никакой пост в Панаме, только назывался Высшим лидером освобождения Панамы. Ему после ареста предъявили кучу обвинений. В том числе и в поставках наркотиков в США. Он вину свою изначально признал, как ему и было велено, и сказал, что все делал по приказу ЦРУ и Управления по борьбе с наркотиками, за что в девяносто втором году прошлого века получил сорок лет тюрьмы. Умер он только в две тысячи семнадцатом году, так из тюрьмы и не выйдя…

– И что?

– По документам Управления по борьбе с наркотиками Норьегу изначально чуть ли не силой заставляли заниматься поставками наркотиков в США, для него организовывали специальные каналы поставок на легком частном самолете. Действовали путем простейшего шантажа. Ты – нам, а мы позволяем тебе, в свою очередь, и зарабатывать, и жить в свое удовольствие, и фактически править Панамой. Не захочешь, мы найдем другого человека на твое место. Эксцессы начались, когда Норьега начал прибирать к рукам Панамский канал,

большая часть акций которого на тот момент принадлежала американским компаниям. Канал официально должен был быть передан Панаме только в двухтысячном году, что потом и произошло. И американские компании, и сам Норьега желали выкачать из него как можно больше денег. Норьега мог бы выкачивать те же деньги и с двухтысячного года, но американцы привили ему высокий аппетит к деньгам, и он излишне поторопил события. Тогда и была проведена большая операция по захвату диктатора прямо в его дворце, с одновременной оккупацией Панамы. Он скрылся в резиденции папского нунция. Но ее так плотно обложили войсками, что Норьега вынужден был сдаться. Его вывезли сначала на американскую военную базу там же, неподалеку от канала, а потом самолетом переправили в Майами, где и состоялся суд, в котором все было решено заранее. Но сама система проведения той операции сильно заинтересовала нашего полковника. Я отследил, какие именно периоды его особенно интересовали. Оказалось, что чаще всего Цитукас перебрасывал в свой компьютер из компьютера библиотеки материалы начального периода, когда Норьегу только привлекали к наркоторговле. Изучал методы давления на него через жену и детей, которые тогда жили и учились во Франции. Из всего перечисленного я делаю предварительный вывод, что полковник Цитукас должен попытаться вовлечь в наркоторговлю кого-то из высокопоставленных сирийских деятелей. Сомневаюсь, что это сам президент Асад. Он с американцами и беседовать не станет. Но какого-то важного члена правительства вовлечь постараются, как я думаю. И, скорее всего, имеющего отношение к вашему, товарищ капитан, заданию…

Глава четвертая

– Салим, мне кофе по-арабски, пожалуйста.

– Сэр, у нас кардамон[15 - Кофе по-арабски заваривается из расчета на одну чашку: одна ложка кофе на одну ложку молотого кардамона.] кончился. Сделать вам без кардамона?

– Тогда это будет простой черный кофе. Если нет кардамона, сделай со сливками. Но купи кардамон, деньги у тебя должны были остаться.

– Остались, мистер Кокс. Я куплю на базаре. Кофе со сливками сейчас принесу. – Адъютант согласно наклонил голову и вышел за дверь гостиничного номера. Салим почему-то не любил смотреть в глаза, и это всегда сильно смущало Джереми Кокса.

Сам полковник, вернее, майор, как он в настоящее время значился, хотя звания полковника его никто не лишал, склонился над инструкциями по обслуживанию и использованию ракетных систем. Он вообще-то и без инструкций все помнил, но случалось уже несколько раз, когда Джереми Коксу задавали вопросы новоиспеченные операторы ЗРК и он не мог на них ответить. Правда, у него была отговорка: дескать, он хорошо знает американские ЗРК и плохо знаком с ЗРК «Геккон», как в классификации Министерства обороны США и НАТО называли советские ЗРК «Оса». К ним должны подходить стандартные, советские еще, ракеты 9М33М2 и 9М33М3, в зависимости от модификации самой системы. Но таких ракет у боевиков нет в наличии – они есть на вооружении сирийской армии, однако добыть их сложно, и дело это рискованное, потому что армия знает о надобности повстанцев и тщательно охраняет свои ракеты. Вот и приходится подгонять американские ракеты того же калибра, хотя они в идеале имеют совсем другую систему управления.

Кокс ждал, когда ему доставят прямо в этот городок Кафр-Зиту, как обещали, специализированный тренажер, над которым упорно работают американские электронщики. Уже существующий тренажер, давно и хорошо себя зарекомендовавший, на котором когда-то проходил обучение сам Джереми, необходимо было переделать под иную систему управления. Сначала специалисты сказали, что это дело пустяковое, и легко взялись за работу. Но в реалиях оказалось, что тренажер пришлось создавать почти заново, используя лишь отдельные узлы от стандартного американского. Выпускать тренажеры в промышленном масштабе, естественно, никто не собирался, не было никакой необходимости в этом накладном мероприятии. Количество ЗРК в руках повстанцев было ограниченно. Сложность заключалась в том, что первый готовый тренажер являлся одновременно и образцом, по которому вручную делали остальные. По сути дела, он заменял рабочие чертежи, поэтому его долго не отправляли в Сирию.

Вообще-то это был и не первый тренажер. Первый, посчитав его вполне пригодным, в самом изначальном варианте доставили на американскую военно-воздушную базу, а оттуда повстанцы своим транспортом повезли его к месту назначения в Кафр-Зиту. Но в дороге на них напали другие повстанцы, и

тренажер был уничтожен выстрелом из гранатомета. А доставлять американским военным транспортом тогда показалось рискованным, поскольку в небе часто появлялись российские и иранские разведывательные дроны. Это грозило лишним обвинением в адрес США. Теперь решили доставку производить военным вертолетом прямо к гостинице, где поместили майора Кокса. Там он для тренажера специальную комнату выделил.

Вообще-то сейчас это уже была и не гостиница, хотя старая вывеска еще сохранилась. Половина дома, как и верхний этаж, была разрушена, но вторая половина проверена специалистами, признана пригодной для проживания, после чего полуразрушенную часть так плотно заминировали, что там даже гулящая мышь подорвалась бы. Это обещало безопасность проживающим в уцелевшей половине. Джереми Коксу выделили две комнаты на втором этаже под личные апартаменты и одну комнату под кабинет. В личных апартаментах он только спал, а кабинет использовал по полной программе, в том числе и в бытовых нуждах, то есть держал там и одежду, там же была и столовая, и все остальное. Полностью переселившись в кабинет, в личных апартаментах Кокс планировал оборудовать учебный класс, как только ему доставят тренажер. Во дворе расчистили площадку для посадки вертолета. Хотелось верить, что в этот раз осечки не будет и тренажер доставят.

Раздался короткий стук в дверь. Так обычно стучал адъютант Салим, которого специально выделили для обслуживания майора Джереми Кокса.

– Войдите, – пригласил майор.

Вошел Салим с подносом в руках. Принес чашечку ароматно пахучего кофе и сливки в точно такой же чашке. В третью чашку был насыпан сахарный песок, из которого торчала неожиданно изящная и затейливая серебряная ложечка с арабским узором на литой ручке. Специальной посуды для кофе и для сливок у повстанцев не водилось. Сами они пользовались простыми эмалированными кружками. Но для Джереми Кокса, по его просьбе, расстарались и нашли в каком-то полуразрушенном доме несколько чашек и даже поднос. За спиной Салима маячила высокая фигура Абдурахмана аль-Шишана, одного из самых нужных помощников американца, выделенных полевым командиром амиром Роуханом, с которым Джереми имел прямые контакты. И не только сам Джереми, но и его руководство, и вообще руководство всей западной антиигиловской, как она официально называлась, коалиции. Абдурахману аль-Шишану было поручено курировать майора Кокса и, по возможности, во всем помогать. Амир Роухан сам

сказал, что это лучший помощник, которого можно было найти среди шести тысяч подчиненных ему повстанцев. Естественно, помощь Абдурахмана не сводилась исключительно к обучению операторов «Осы», вернее, вообще никоим боком ее не касалась, поскольку Абдурахман по жизни не имел абсолютно никакого отношения к средствам ПВО, но помощником он был незаменимым, как был и одним из немногих, посвященных в настоящую миссию Джереми Кокса. Сам майор уверял себя, что это он сделал Абдурахмана незаменимым, пообещав ему и членам его семьи, пока еще живущим на территории Пальмиры в зоне, подконтрольной правительственным силам, американскую визу.

– Я принес вам, сэр, что вы просили. Не местного, не сирийского производства. Но это как раз то, что нужно, что вы и искали. Правда, пока не слишком много, но мне еще обещали. Обещали уже сегодня ближе к вечеру доставить, – вежливо проговорил Абдурахман.

Майор Кокс настороженно показал глазами на Салима, и аль-Шишан сразу понял, что следует подождать с разговором. По крайней мере, при посторонних показывать то, что он принес, было нельзя. И дело вовсе не в ненадежности адъютанта, а в правилах конспирации, которые майор не так давно втолковывал Абдурахману в течение нескольких часов, приводя множество классических примеров из жизни разведчиков, которые терпели «провал» только потому, что в какой-то момент расслабились и сболтнули лишнее в присутствии посторонних людей.

– Салим, поставь кофе на стол и отправляйся на базар. Мне кардамон жизненно необходим. Купи… – обратился Кокс к адъютанту.

Некоторое время назад, еще до поездки в Сирию, Джереми начал чувствовать неприятные боли в организме. Обратился к незнакомому врачу в соседнем городе, куда специально ради этого поехал. Такая конспирация тоже была необходима, потому что полковник опасался отстранения от уже разработанной операции в Сирии по причине нездоровья. Такое отстранение было бы и вероятной причиной для выхода в отставку, хотя сам полковник на пенсию не стремился и делал все, чтобы руководство о его недуге ничего не знало. Врач поставил ему неутешительный диагноз – простатит в запущенной форме, высокая вероятность перерастания простатита в воспаление аденомы, что чревато хирургическим вмешательством. А хирургическую операцию от руководства было бы уже не скрыть.

– А отчего, доктор, это может быть?

– Трудно сказать без основательного исследования. Я бы рекомендовал вам лечь хотя бы на пару недель в клинику, чтобы провести исследование. Чаще всего простатит является возрастным заболеванием, но есть и другие различные формы, вплоть до инфекционной.

– Извините, доктор, мне служба не позволяет в данный момент ложиться на обследование. Существуют же какие-то амбулаторные методы лечения?

– Естественно, существуют. Болезнь достаточно распространенная. Но в первую очередь следует выяснить причины вашего недуга. Как правило, таких причин бывает несколько. И воздействуют на организм они комплексно.

– Например? Что самое распространенное?

– Например, сидячий образ жизни и частые стрессовые состояния.

– Служба у меня такая, что без стрессов обойтись невозможно. Что касается сидячего образа жизни, то это не про меня, я по натуре человек подвижный. Что еще?

– Ну, скажем, злоупотребление черным кофе или крепким чаем… Кофеин, что содержится и в кофе, и в чае, убивает в организме способность производить необходимый тестостерон. А тестостерон – мужской половой гормон – поддерживает жизнедеятельность предстательной железы.

– Есть такой грех! – неохотно сознался полковник. – Кофе я пью много и часто. Иначе просто засыпаю даже за рулем.

– Если не можете обойтись без кофе, тогда пейте его хотя бы со сливками или вообще заваривайте кофе по-арабски.

– Это как?

– На ложку кофе, мистер Кокс, кладите ложку кардамона. Есть такая популярная приправа. Кардамон нейтрализует не сам кофеин, а только его способность

оказывать отрицательное действие на выработку тестостерона. И хорошо бы колоть поливитаминные препараты.

Полковник не случайно представился врачу своим псевдонимом. Во-первых, он желал привыкнуть к нему еще до того, как вылетит к месту работы. Во-вторых, пусть на службе и знали этот псевдоним, но все же это не та ситуация, в которой предвидится поисковое расследование. И меньше вероятность, что слух о болезни дойдет до руководства.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Султан Саладин – полное имя Салах ад-Дин, правитель Египта и Сирии, по национальности курд, не только прославленный полководец, но и покровитель науки, ремесел и культуры. Считался просвещенным правителем и удачливым полководцем. Успешно вел войну против крестоносцев, отвоевав у них Иерусалим, но разрешил христианам молиться своим святыням, оставив в Иерусалиме только мусульманскую администрацию. При этом последнего командующего войском крестоносцев, английского короля Ричарда Львиное Сердце, называл своим личным другом. Многократно побеждал войско византийского императора Алексея Первого Комнина. Был лично знаком с дочерью императора, известной писательницей и хронистом своего времени Анной Комнин, о чем она неоднократно сообщала в своих трудах, выражая султану глубокое уважение. Основу войска Саладина составляли конные лучники, использующие длинные и дальнобойные скифские луки, стреляющие дальше и сильнее традиционных и знаменитых в Европе английских луков, которыми было вооружено войско Ричарда Львиное Сердце. (Здесь и далее прим. автора.)

2

ИГИЛ (ДАИШ) – террористическая организация, запрещенная в России.

3

Реальные события, как и события с похищением офицеров ПВО Сирии для обучения операторов ЗРК. Все это происходило в 2017 году.

4

В Российской Федерации, в отличие от Советского Союза, не существует отдельного рода строительных войск, есть только военно-строительные формирования.

5

ДАИШ (ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная в России.

6

Девятая рота Рязанского училища воздушно-десантных войск – рота факультета специальной разведки, выпускники которой, как правило, отправлялись служить в органы военной разведки.

7

ВТА – военно-транспортная авиация.

8

Клиренс – расстояние от дорожного полотна до нижней части поддона автомобиля.

9

Сухель аль-Хасан, бригадный генерал, реальное лицо, один из самых прославленных и самых талантливых сирийских полководцев. Уже став генералом, в первых рядах своих бойцов ходит в атаку на противника. А через громкоговорители артисты читают стихи генерала, призванные поднять боевой дух бойцов дивизии.

10

Так называемое Разведывательное сообщество США (United States Intelligence Community) – собирательный термин для обозначения семнадцати отдельных правительственных учреждений США, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности в интересах США. Разведсообщество США представляет собой совещательный орган для координации разведывательных действий отдельных учреждений исполнительной власти, собирающих техническими и агентурными средствами информацию для защиты национальной безопасности США. Учреждено президентом Р. Рейганом в декабре 1981 года. Подчиняется Директору национальной разведки, которым обычно бывает советник президента по разведке.

11

Академический час равен сорока пяти минутам.

12

При расчете на академические часы занятия, как правило, делятся на пары, то есть по два академических часа плюс перерыв. В армии иногда используется понятие полутора или двух с половиной пар.

13

Команд-сержант-майор – звание в американской армии, примерно приравнивается к старшему сержанту или старшине в российской армии.

14

Госдепартамент США – официальное название Министерства иностранных дел США.

15

Кофе по-арабски заваривается из расчета на одну чашку: одна ложка кофе на одну ложку молотого кардамона.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/voyna-dlya-dvoih

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити